

А.П. Бородовский

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕРИМСКОМ «ИМПОРТЕ» И ЕГО РЕПЛИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕЙ ОБИ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Позднеримское культурное наследие имеет одно из ключевых значений для формирования транскультурного предметного комплекса Евразии первой половины I тыс. н.э. Масштабы такого влияния особенно отчетливо ощущаются далеко за пределами «римского мира», включая юг Западной Сибири. Одним из таких регионов является территория Верхней Оби. Целый ряд археологических материалов позволяет поставить вопрос об опосредованном присутствии на этой территории реплик изделий «римского круга» (поясные пряжки, полихромные украшения, утварь), включая сопроводительный инвентарь элитарных погребальных комплексов (Ивановка-6).

Ключевые слова: позднеримский импорт; реплики; Верхняя Обь.

Предметы импорта в вещевом комплексе играют ключевую роль при определении хронологии, а также векторов и характера взаимодействия различных культурных традиций. На территории Верхней Оби достаточно давно выявлен представительный корпус источников, включающий античную нумизматику [1. С. 360–363], ювелирные полихромные украшения, поясную фурнитуру и утварь, относящийся к началу второй половины I тыс. н.э. Особый интерес вызывают предметы, имеющие определенные параллели с позднеримскими образцами, возможно, представляющими опосредованный «импорт» в местную среду с последующей адаптацией в ней.

В качестве одного из примеров можно привести поясные пряжки как одну из наиболее динамично развивающихся категорий предметного комплекса, активно подверженного внешним заимствованиям. На сопредельной территории Северного Алтая (Майма-VII, Чултуков Лог-1) [2. С. 217. Рис. 124, 2, 7] выявлены аналогии железных пряжек позднеримских провинциальных форм с подвижным язычком, входивших первоначально в состав экипировки легионеров [3. С. 162]. Значение этих изделий учитывается при разработке современной классификации и типологии пряжек кочевников Алтая хуннского времени [4. С. 146].

Среди других примеров, прямо или косвенно демонстрирующих «позднеримские традиции», можно привести полихромные ювелирные изделия с кабошонами (рис. 1, 1, 2). В целом ряде могильников на севере Верхнего Приобья (Тимирязево-1, Крохалевка-16, Крохалевка-23, Ераска) [5. С. 90; 6. С. 117–119; 7. С. 77–80; 8. С. 222, рис. 155, 1] обнаружены бронзовые и серебряные медальоны с ложной зернью и вставками из полудрагоценных камней, восходящие к римским прототипам еще начала I тыс. н.э. (рис. 1, 1). Однако при этом кабошоны на предметах такого стиля из Горного Алтая (Аржан-Бугузун), из-

готовленные из полудрагоценных камней, происходящих из Монголии, скорее всего, производились в Центральной Азии [9. С. 31]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что для «восточных» изделий полихромного стиля характерна явная неоднородность, что проявляется в стилистике их оформления. Например, для полихромных украшений восточного происхождения типично отсутствие орнаментальных комбинаций из треугольников, выложенных зернью [10. С. 16–24]. Тем не менее именно эта особенность присуща для серебряного предмета из Ивановки-6 [11. С. 573]. Ближайшей территориальной аналогией этого полихромного изделия является золотое украшение с сердоликовой вставкой из Тугозвоновского комплекса на р. Чарыш [12. Рис. 23]. По краям изделия также располагались на гофрированных цилиндрических трубочках пирамидки из зерни.

Пальчатая подвеска-фибула из Ивановки-6 с гранатовым кабошоном (рис. 1, 2), соотносится с изделиями из Центральной Азии, а также первой группой предметов полихромного стиля, типичного для Северного Причерноморья [13. С. 59]. Треугольники на украшениях разной величины выложены различным количеством зерни – от 3, 6 до 21, зернинки диаметром 0,3 мм. Для сравнения: у Тугозвоновского комплекса полихромных изделий характерно сочетание зернинок в треугольниках в несколько другой пропорции – от 3, 10 до 15. В целом на украшениях с кабошоном Ивановки-6 компоновка зерни в орнаменте «укладывается» в интервал от 15 до 55 зернинок. Такая особенность, по мнению И.П. Засецкой, для украшений полихромного стиля не встречается западнее г. Варны в Болгарии и с. Бэлтень в Румынии, что фактически совпадает с западными пределами варварского мира первой половины I тыс. н.э., когда он вступает в тесные и разноплановые контакты с позднеримской культурой.

Рис. 1. Пальчатая подвеска-фибула из Ивановки-6

Опосредованные «поздне римские влияния» нашли косвенное отражение в местной керамике Верхнего Приобья (рис. 1, 3–6). Широко известное в Восточной Европе сетчатое «рейнское» стекло [14. С. 522] (рис. 1, 7) и стеклянные кубки (Айсингс 44) [15. С. 80] (рис. 1, 9) на территории Верхней Оби имитировались в глине [11. S. 573, 577]. Подобная форма посуды и ее условно переданный орнамент эпизодически встречаются в материалах нескольких памятников от г. Томска (Тимирязевский курганный могильник-1), г. Новосибирска (могильник Ивановка-6) и до г. Бийска (второе Бийское городище) [16. С. 220], включая элитарные захоронения [11. S. 573, 577]. Немногочисленность этих глиняных реплик престижной стеклянной посуды на юге Западной Сибири не может являться основанием для их игнорирования. Поскольку и на территории Восточной Европы такие предметы крайне редки, но достаточно важны для датировки «волн» римского импорта в пределах рубежа III–IV вв. н.э., второй половины IV–V в. н.э. [15. С. 80–81].

Такая утварь, безусловно, относится к разряду статусных вещей, высокотехнологичных предметов. Это в первую очередь касается стеклянных кубков, изготов-

ленных в очень сложной технике сетчатого стекла. Производство такой утвари велось только в одной стеклодувной мастерской на Рейне, где были изготовлены лишь немногочисленные экземпляры этих предметов. В свою очередь, эксклюзивность изделий достаточно часто становилась «предметом» феномена моды как общекультурного явления. При этом социальный престиж на примере как отдельных вещей, так и моды в целом чаще всего проявлялся в «соотносительности оценки». В исторических условиях эпохи Великого переселения народов и Раннего Средневековья, связанных с очередным этапом становления ранней государственности, сравнения служили одним из важнейших средств оценивания для индивидов, социальных групп и обществ. На фоне прямого или опосредованного взаимодействия с главными культурными центрами своего времени это не могло не приводить к заимствованиям, особенно в элитарной среде «варварских обществ». Такие качества в полной мере свойственны и приему имитации, воплощающему знаковые предметы в более доступных и широко распространенных материалах.

Анализ предметного комплекса, связанного с римским импортом у сармат Северного Причерноморья,

демонстрирует несколько закономерностей [15. С. 158–160]. Во-первых, он формируется на протяжении определенного временного отрезка. Во-вторых, отчетливо прослеживается несколько различных «волн» импорта. В-третьих, очередная «порция» импорта обусловлена какими-то историческими событиями и может иметь определенную «этническую принадлежность». В-четвертых, общий комплект предметного комплекса, как правило, представлен определенной группой вещей (вооружением, украшениями, утварью, нумизматикой). В-пятых, в рамках предметного комплекса каждой из «волн» импорта представлены маркирующие предметы.

Однако, учитывая значительную удаленность и крайнюю опосредованность «контактов» Верхнего Приобья с позднеримским миром, вряд ли стоит рассчитывать на полный «список» указанных выше особенностей. Тем не менее ряд факторов, характерных для проникновения на сопредельные территории «римского импорта», вполне отчетливо представлены и для этого региона. Во-первых, несмотря на территориальный фактор, в Верхнем Приобье достаточно отчетливо представлены одни из основных категорий предметного комплекса, характерного для любого импорта, включающие украшения, поясную фурнитуру и посуду. Во-вторых, стилистические особенности некоторых из этих предметов либо соответствуют орнаментально-технологическим особенностям полихромных украшений из драгоценных металлов, характерных для восточных территорий интенсивных контактов римского и варварского миров, или являются достаточно точными репликами как формы, так и декора престижных римских изделий с широким территориальным распространением (Ивановка-6). В-третьих, общий предметный комплекс изделий, прямо или косвенно связанный с «римскими прототипами», соответствует заключительному периоду непосредственного влияния «римского мира» на его варварское окружение уже в эпоху великого переселения народов.

В это время по берегам р. Оби проживали носители верхнеобской археологической культуры, выделенной в 50-е гг. XX в. М.П. Грязновым. Этническая принадлежность этой культурно-территориальной общности пока не получила у исследователей однозначного толкования. В частности, древнее население верхнеобской культуры рассматривается в литературе как угорское, самодийское, угро-самодийское и угро-кыпчакское. Территория, занятая верхнеобской культурой, простиралась от окрестностей современного г. Новосибирска на севере до г. Бийска на юге, включая Северный Алтай. Отдельные находки погребений и вещей верхнеобского облика встречаются еще шире и захватывают некоторые районы горного Алтая, маркируя тем самым региональные контакты этой культуры. Не менее интересны случаи аналогий предметам и деталям погребальных обрядов (захоронения без черепов, повреждение конской упряжи огнем и т.д.) эпохи Раннего Средневековья на Верхней Оби с археологическими матери-

алами авар в Центральной Европе [17. С. 57; 18. С. 324]. Более того, ранний этап существования верхнеобской культуры совпадает по времени с появлением в Верхнем Приобье, как и по всей Евразии, богатых воинских погребений эпохи великого переселения народов. Особое место занимает княжеское захоронение у с. Тугозвонovo, описанное в свое время А.П. Уманским [12. С. 129–163].

Особенно интересна территориальная близость античной нумизматической выборки из Усть-Чарышской пристани с Тугозвоновским княжеским погребением, находящимся фактически на одной и той же реке с находками монет. Показательно и определенное хронологическое соответствие этих комплексов, особенно 1-й группы монет с. Чарыша. Они отчеканены в Северном Причерноморье, тесно связанным с сармато-аланским миром, в том числе и на его восточной периферии. В этой связи следует отметить и наличие вероятных связей с Северным Причерноморьем у ранее упоминавшейся серебряной подвески-фибулы с гранатовым кабошоном из Ивановки-6.

Наличие импортных изделий и их реплик в той или иной культурной традиции во многом обусловлено несколькими факторами. Среди них важную роль играет как местный экономический потенциал, так и территориальная близость к существующей и хорошо налаженной логистической структуре торгово-обменной и посреднической деятельности. Экономический потенциал носителей верхнеобской культуры в эпоху Раннего Средневековья был достаточно значителен. В пользу этого свидетельствует то, что в Новосибирском Приобье сформировался местный очаг пойменного земледелия [19], существенно отличающийся от орошаемого земледелия средневековой Хакасии.

Для Сибири такое своеобразие хозяйства предполагает мощную экономическую и культурную основу общества, что позволяет ему длительное время сохранять свою самостоятельность и самобытность и обеспечивает потенциалом для интеграции со своим окружением. Соседство Верхнего Приобья с «киргизским» шелковым путем [20. С. 8] обусловило проникновение и на эту территорию изделий (Крохалевка-13, Соколово-16) из импортного шелка-сырца (определения доктора исторических наук Т.Н. Глушковой). В Византии, прямой наследнице римской культуры, такой материал был известен как метакса [21. С. 71].

Наряду с этими импортными тканями и вещами могли циркулировать по направлению «Восток–Запад» как оригинальные изделия, так и их реплики, связанные с позднеримской традицией. Не менее важно и то, что в заключительный период эпохи Великого переселения народов типично западносибирские украшения появились далеко на западе, включая Центральную Европу.

В качестве одного из таких примеров можно привести серьги в виде знака вопроса с витым стержнем из бронзовой проволоки. Сохранение деревянного формо-

вочного стержня в бронзовой проволоочной сережке из Ивановки-6 однозначно свидетельствует о ее местном производстве. Любопытно, что местный характер этих украшений связан с традициями, восходящими еще к эпохе раннего железа. Древние прототипы этих изделий представлены в материалах культур Обь-Иртышья (большереченской – Милованово-2 и саргатской – Исаковка-3) с вероятной угорской этнической принадлежностью.

Предлагаемая Д.Г. Савиновым этническая атрибуция серег с витым стержнем в виде знака вопроса как черта раннесредневековой культуры кыпчаков не исключает влияния угорского компонента на бытование этого украшения. В эпоху Раннего Средневековья эти украшения получают широкое распространение от верховьев Оби до Центральной Европы (Словакии) [22]. При этом в основном они присутствуют в предметном комплексе замков как социально-значимых комплексов, в археологических материалах которых наиболее вероятно наличие импортных и этнокультурных изделий.

Однако если на западе такие сережки единичны и территориально разрознены, то на востоке, в Верхнем Приобье, они локализируются достаточно компактно (Ближние Елбаны-3, Ивановка-6). Кроме того, здесь подобные украшения имеют самые ранние датировки (не позднее VII в.) в сравнении с Центральной Европой. В этой связи уместно вспомнить, что, в свою очередь, одна из «волн» римского импорта на восточные территории имела как раз центрально-европейский «словацкий» импульс [15. С. 158].

В целом римское культурное наследие имеет одно из ключевых значений для формирования транскультурно-

го предметного комплекса Евразии первой половины I тыс. н.э. При этом масштабы такого влияния особенно отчетливо ощущаются не только на фронтире «римского мира», но и далеко за его пределами, на востоке, включая юг Западной Сибири. Одним из таких регионов является территория Верхней Оби. На этой территории отсутствовала традиция широкого и непрерывного бытования предметов «римского» происхождения. Кроме того, для нее характерно полное отсутствие прямых контактов с носителями позднееримской провинциальной культуры и значительного количества импорта, непосредственно связанного с римским происхождением.

Тем не менее целый ряд археологических материалов позволяет поставить вопрос об опосредованном присутствии здесь реплик изделий «римского круга» (поясных пряжек, полихромных украшений и утвари). В рамках этой предметной среды особый интерес вызывают изделия, имеющие определенные параллели с позднееримскими образцами, возможно, представляющими опосредованный «импорт» в местную среду с последующей интеграцией в неё.

Последняя особенность явно связана с процессами активной адаптации инокультурных, престижных компонентов в местную среду. Реплики «позднееримского» предметного комплекса Верхнего Приобья, скорее всего, восходят к образцам изделий третьей группы римского импорта второй половины II – первой половины III в. н.э. в сарматскую культурную среду Восточной Европы. Присутствие этих вещей в элитарных верхнеобских захоронениях середины I тыс. н.э. (Ивановка-6) во многом обусловлено архаизмом их сопроводительного инвентаря, а также высоким статусом предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев С.В. Находка античных и византийских монет на Алтае // Вестник Древней истории. 1940. № 3–4. С. 330–363.
2. Бородавский А.П., Бородавская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
3. Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004. № 3. С. 160–170.
4. Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 3 (87). Т. 2. С. 143–152.
5. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. Томск, 1983. 244 с.
6. Троицкая Т.Н., Новиков А.А. Кохалевка-23 – памятник одиновского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 116–119.
7. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
8. Сумин В.А., Ефтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2013. Вып. 9. 272 с.
9. Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 27–31.
10. Засецкая И.П. Классификация полихромных украшений гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 14–30.
11. Borodovskij A.P. Frühmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am oberen Ob', Sibirien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2001. Band 7. S. 569–584.
12. Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
13. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. 224 с.
14. Словарь Античности. М. : Эллис Лак, Прогресс, 1994. 704 с.
15. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-история, 2011. 154 с.
16. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 219–231.
17. Археология Венгрии: Конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1986. 350 с.
18. Эрдели И. Исчезнувшие народы. Авары // Природа. 1982. № 11. С. 50–58.
19. Бородавский А.П. Пойменное земледелие и расположение археологических памятников (по материалам исследований Обской поймы у р.п. Колывань) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 20–24.

20. Лубо-Лесниченко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // Культура и искусство народов Востока. Л., 1989. Т. XXVII, вып. 9. С. 4–9.
21. Даркевич В.П. Византия и Восток // Советская археология. 1991. № 3. С. 69–83.
22. Бородавский А.П. Проблемы этнотерриториальной интерпретации некоторых раннесредневековых украшений Верхней Оби // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири // Тезисы докладов X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 29–31.

Borodovskiy Andrew P. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ON THE LATE ROMAN "IMPORT" AND ITS REPLICAS ON THE TERRITORY OF THE UPPER OB REGION.

Keywords: late Roman import; replicas; the Upper Ob.

The import items play the key role in the object complex by determining the chronology and vectors of interaction of various cultural traditions. On the territory of the Upper Ob region, one identified a representative set of sources including the antique numismatics, polychromic jewels, belt accessories and utensils referred to the second half of 1000 AD. One of such examples includes polychromic jewels with cabochons (Timiryazevo-1, Krokhavevka-16, Krokhavevka-23, Eraska, Ivanovka-6) dating back to the Roman prototypes of the beginning of 1000 AD. The mediated “late Roman effects” were indirectly reflected in the local ceramics of the Upper Ob region. The Rhenish reticular glass and glass cups, which were wide-spread in Eastern Europe (Icing 44), were imitated in clay on the territory of the Upper Ob region. Such a form of dishes and its conditionally transferred ornament are occasionally presented in the materials of several archeological monuments from Tomsk (Timiryazevo-1), Novosibirsk (Ivanovka-6) to Biisk (Biisk ancient settlements). On the whole, the Roman cultural heritage plays one of the key roles in forming a trans-cultural object set of Eurasia of the first half of 1000 AD. In this case, the scope of such an impact is especially clearly perceived far beyond the limits of the “Roman world”, including the south of Western Siberia. One of such regions is the territory of the Upper Ob region. On this territory, there was no tradition of any wide and continuous presence of objects of the “Roman” origin. Besides, it is characterized by complete absence of any direct contacts with the bearers of the late Roman provincial culture and a considerable volume of imported goods directly related to the Roman origin. Nevertheless, an entire set of archeological materials allows putting forward a question of mediated presence of the “samples” of the “Roman circle” objects (belt buckles, polychromic jewels) and their replicas in the local ceramics. Within the framework of this object environment, a special interest is evoked by items possessing certain parallels with the late Roman samples. They may represent the mediated “import” to the local environment, including subsequent adaptation in it. The latter is clearly determined by the processes of active integration of foreign, prestigious components into the local environment. The replicas of the “late Roman” object set of the Upper Ob region are likely to date back to the samples of those objects included into the third group of the Roman import of the second half of the 2nd century – first half of the 3rd century AD to the Sarmatian cultural environment. The presence of these objects in the elite Upper Ob graves of the middle of 1000 AD are mostly determined by archaism of their accompanying inventory.

REFERENCES

1. Kiselev, S.V. (1940) Nakhodka antichnykh i vizantiyskikh monet na Altae [The find of Ancient and Byzantine coins in the Altai]. *Vestnik Drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3-4. pp. 330-363.
2. Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, E.L. (2013) *Arkheologicheskie pamyatniki gornoy doliny nizhney Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites of the mountain valley of the Nizhnyaya Katun in the Paleometal Age]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
3. Trufanov, A.A. (2004) Early roman provincial buckles in the North Pontic Zone. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 160-170. (In Russian).
4. Matrenin, S.S. & Tishkin, A.A. (2015) Belt Buckles Used by the Altai Nomads in the Xiongnu Period: Classification and Typology. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya – The News of Altai State University. Historical Sciences and Archeology*. 3(87). pp. 143-152. (In Russian).
5. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv.* [Monuments in Tomsk Ob Region of the 5th – 8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.A. (1992) Kokhavevka-23 – pamyatnik odintsovskogo etapa verkhneobskoy kul'tury [Kokhavevka-23 – a cultural monument of the Odintsovo stage of the Upper Ob culture]. In: *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkheologii)* [The ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories (the archeological data)]. Omsk: Omsk State University. pp. 116-119.
7. Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voina epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of the warrior's burial era of the great migration of peoples in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov yuzhnoy Sibiri* [The culture of the ancient peoples of southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77-80.
8. Sumin, V.A., Efteeva, E.M., Anufriev, D.E. & Roslyakov, S.G. (2013) Arkheologicheskie pamyatniki Kochenevskogo rayona Novosibirskoy oblasti [The archaeological sites of Kochenevsk District of Novosibirsk Region]. In: Borodovskiy, A.P. (ed.) *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii* [The collection of historical and cultural monuments of Russia's peoples]. Novosibirsk: Nauka.
9. Kubarev, G.V. (2010) Uzdechnyy nabor v polikhromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyy Altay) [The bridle set in the polychrome style from the Argens Buguzun monument (the South-Eastern Altai)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in Eurasian Ancient and Medieval Cultures]. Barnaul: Azbuka. pp. 27-31.
10. Zasetskaya, I.P. (1982) Klassifikatsiya polikhromnykh ukrasheniy gunnskey epokhi po stilisticheskim dannym [The classification of polychrome decoration of the Hunnic era by the stylistic data]. In: Gatsak, V.M. (ed.) *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vv.* [Antiquities of the era of the great migration of peoples of the 5th–8th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 14-30.
11. Borodovskiy, A.P. (2001) Fruhmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am oberen Ob', Sibirien [The early medieval pageantry of the child burials at the Upper Ob, Siberia]. *Eurasia Antiqua*. 7. pp. 569-584.
12. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi “Velikogo pereseleniya narodov” na Charyshe [The burial of the era of “Great Migration” on Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129-163.
13. Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskey epokhu (konets IV–V vv.)* [The nomadic culture in the southern Russian steppes during the Hun era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg: Ellips.
14. Kuzishchin, V.I. (ed.) (1994) *Slovar' antichnosti* [The Dictionary of Antiquity]. Moscow: Ellis Lak, Progress.
15. Simonenko, A.V. (2011) *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [The Roman imports from the Sarmatian Pontic Zone]. St. Petersburg: Nestor-istoriya.

16. Kazakov, A.A. & Kungurov, A.L. (1993) Kompleks gorodishch okolo Biyska [The complex of fortifications around Biysk]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura narodov evraziyskikh stepey v drevnosti* [The culture of the peoples of the Eurasian steppes in Ancient times]. Barnaul: Altai State University. pp. 219-231.
17. Titov, V.S. (ed.) (1986) *Arkheologiya Vengrii: Konets II tys. do n.e. – I tys. n.e.* [The archaeology of Hungary: The late 2nd century BC – the 1st century BC]. Moscow: Nauka.
18. Erdeli, I. (1982) Ischeznuvshie narody. Avary [The lost people. Avars]. *Priroda*. 11. pp. 50-58.
19. Borodovskiy, A.P. (1994) Poymennoe zemledelie i raspolozhenie arkheologicheskikh pamyatnikov (po materialam issledovaniy Obskoy poymy u r.p. Kolyvan') [The floodplain agriculture and the location of archaeological sites (based on research from the Ob floodplain near the Kolyvan)]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Zapadnoy Sibiri* [Archaeological districts of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 20-24.
20. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1989) "Uygurskiy" i "kirgizskiy" puti v Tsentral'noy Azii [The "Uighur" and "Kyrgyz" ways in Central Asia]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 27. pp. 4-9.
21. Darkevich, V.P. (1991) Vizantiya i Vostok [Byzantium and the East]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 69-83.
22. Borodovskiy, A.P. (1995) [The problems of ethno-territorial interpretation of some early medieval ornaments of the Upper Ob]. *Metodika kompleksnykh issledovaniy kul'tur i narodov Zapadnoy Sibiri* [Methodology of complex studies of cultures and peoples of Western Siberia]. Proc. of the Tenth Western Siberian Archeological and Ethnographic Meeting. Tomsk: Tomsk State University. pp. 29-31. (In Russian).